

УДК 947.02
ББК 63.3(2)4
П 12

Павлюченко Вадим Станиславович, аспирант ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет»;

Чамокова Сусанна Туркубиевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедры истории государства и права ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», (8772)525128.

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ СО СКАНДИНАВСКИМИ
НАРОДАМИ И НАРОДАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В IX-XII ВЕКАХ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ)
(рецензирована)**

Анализ взаимоотношений Древней Руси со скандинавскими и северокавказскими народами имеет большое значение для характеристики культурного, военного и экономического развития древней Руси. Изучение формирования культурной среды, военного искусства и ремесла, торгово-экономического развития Древней Руси не возможно без исследования взаимоотношений с народами населявшими, являющимися ближайшими внешними соседями. Анализ и характеристика взаимодействия Древней Руси с соседними народами, выявление основных черт и сравнительный анализ занимает основное место для изучения формирования культурного, военного и экономического уклада древней Руси в IX-XII веках.

Ключевые слова: культура, Скандинавия, Северный Кавказ язычество, религия, торговля, мечи, военное искусство, Тмутаракань.

Pavlyuchenko Vadim Stanislavovich, a post graduate student of Maikop State Technological University;

Chamokova Susanna Turkubievna, Candidate of History, associate professor of the Department of History of State and Law of Maikop State Technological University, (8772) 525 128.

**ANCIENT RUSSIA RELATIONS WITH SCANDINAVIAN PEOPLES
AND THE NORTH CAUCASUS PEOPLES IN IX-XII CENTURIES
(COMPARATIVE ANALYSIS)
(Reviewed)**

The analysis of Ancient Russia relations with the Scandinavian and North Caucasian peoples is of great importance for the estimation of the cultural, military and economic development of ancient Russia. The study of cultural environment, martial arts and craft formation, trade and economic development of ancient Russia is impossible without the study of relationships with the nearest overseas neighbors. Analysis and characteristics of the interaction of ancient Russia with the neighboring nations, identification of the main features and comparative analysis takes the main place for the study of the formation of cultural, military and economic system of the ancient Rus in IX-XII centuries.

Keywords: culture, Scandinavia, the Northern Caucasus, paganism, religion, trade, swords, martial arts, Tmutarakan.

Культура является важным компонентом, формирующим мировоззрение и мироощущение народа. Поэтому проблемы развития культур, их взаимовлияние, взаимообогащение имеют огромное значение для характеристики исторической эпохи. Через метод сравнительного анализа нагляднее выступают характерные черты культурных пластов общества, их эволюция и перспективы. Анализ и описание культурного развития народа позволяет воссоздать не только эту сферу, но и рассмотреть экономическое, военное и религиозно-идеологическое состояние общества в целом и таким образом, понять основные причины разноплановых связей государств.

Взаимоотношения Древней Руси со скандинавскими народами в VII-XII веках носили всеобщий характер и привели к взаимному обмену в различных сферах жизни, что подтверждают многочисленные археологические находки, рунные надписи, сказания, скандинавские саги, описания языческих верований и обрядов.

На основании летописей 860-х годов можно считать, что княжеская власть контролировала север Древней Руси: Новгород, Ладогу, Изборск, Полоцк и Белоозеро. Основой этого раннего государственного формирования в середине IX века был «княжеско-племенной» строй ильменских славян. Последние исследования более отчетливо показывают его центр, представленный археологическим скоплением поселений (укрепленных и открытых) в Новгородской области на берегу озера Ильмень в истоке Волхова.

В низовьях Волхова, недалеко от выхода в Ладожское озеро (озеро из летописных хроник «Нево»), уже в VIII веке возникли скопления поселений, центром которых была Ладога. С середины VIII века Ладога и Ладожская волость являлись естественной площадью ранних славяно-скандинавских контактов. Своего рода форпост славянских поселений распространился далеко на север, в малонаселенные земли «чуждских» финских племен. Ладога стояла там, где для норманнов начинались тысячи километров водных путей по рекам, протекающим через лесистые просторы Русской равнины в берега Черного и Каспийского морей, в богатые города Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока. Здесь, в глубине равнины, становятся невозможными внезапные набеги и грабежи, которым часто подвергались племена, расположенные на побережье. Перемещаться и успешно действовать в этих просторах выходцы из Скандинавии и других стран могли только в спокойной обстановке, установив мирные и взаимовыгодные торговые соглашения с местным населением. [1]

Из древнерусских летописей известно, что русы с норманнами и северокавказскими народами не только воевали, но и заключали с ними торговые соглашения. Взаимоотношения Древней Руси с Северным Кавказом в период X-XI веках происходили в основном через город Тмутаракань, Таманский полуостров, который после разгрома Хазарского каганата примерно в 965 году киевским князем Святославом Игоревичем перешёл в состав древней Руси. Через Тмутаракань проходил основной поток обмена культурными, военными и экономическими ценностями. Из-за того, что город был портовым и многонациональным в то время в нём проживали такие представители народностей как: греки, зихи, аланы, хазары, славяне, армяне и т.д., культурный и экономический обмен носил более существенный характер, что доказывается многочисленными археологическими находками такими как: монеты из Восточной Римской Империи, Руси, Скандинавии и стран Востока, украшения, оружия и изделий гончарного искусства. Археологические находки, найденные в Тмутаракане, в основной массе являются по происхождению греческими, так как основателями города и основной массой жителей в X-XI веках являлись греки. Предметы славянской культуры малочисленны и связаны в основном с пребыванием в городе дружинников, князей, купцов и монахов и религиозным влиянием Руси на этот регион. Археологические находки кавказской культуры в основном носили торговый характер. Это монеты, фрагменты товаров гончарного производства и оружия. По известным источникам, отношения между Древней Русью и Северным Кавказом не носили массовый характер из-за того, что Русь в X-XI веках в основном стремилась на восток, в Византийскую империю, где в то время был центр всей средиземноморской торговли. [2]

Взаимоотношения со скандинавскими народами носили более обширный характер по сравнению с северокавказскими. В начале IX века отмечалась Скандинавская, она же варяжская, эмиграция на Русь, которая первоначально носила волновой характер. В тех местах, где в середине-второй половине IX века имелись единичные норманнские захоронения (район Ладоги, Ярославское Поволжье, район Смоленска), веком спустя их обнаруживалось уже целое скопление, а вот кавказских захоронений и следов пребывания народов с Кавказа не было замечено. Можно заметить, что чем раньше попадал переселенец из Скандинавии на Русь или, чем меньше он жил на новом месте, тем этнически «чище» были его заупокойные дары. В качестве примера можно привести один из ранних гнездовских курганов из раскопок М. Ф. Кусцинского. [3]

Где бы на Руси норманны ни поселялись (будь то юго-восток Приладжья, Тимерево, Смоленск или Киев), норманнские захоронения (содержащие оружие и без него) носят не единичный случай. На сегодняшний день, ясно, что в большинстве случаев речь идет об отдельных группах

северных эмигрантов, переселявшихся из Скандинавии на массив местного населения Древней Руси, а не о непрерывных потоках колонизации. Основываясь на информации из саг, общее число норманнов-воинов, постоянно проживавших на Руси, составляло десятки, а то и сотни. Хотя периодически и, как правило, в течение короткого периода, наемные войска могли увеличиться до нескольких сотен, а иногда и тысяч воинов. Они, обычно, находились в крупных городах, таких как Киев, Ладога, Смоленск. В военное и в мирное время скандинавы проживали в специальных дворах, определенных районах городов и сел. В период больших кампаний в войсках князя Олега и Игоря было до 8-13 племенных подразделений, в том числе норманнов, которые составляли от 1/13 до 1/8 масштаба войска. В составе ратного снаряжения киевских полков имелось оружие венгров, греко-франков, поляков, финнов, литовцев, скандинавов, хазар, алан и других народов. В результате в Европе сложился своеобразный арсенал боевых средств. Привозное оружие постепенно перерабатывалось и приспособлялось к местным условиям. Наряду с заимствованием чужого опыта создавались и использовались собственные образцы топоров, копий, стрел, кистеней и мечей. Образцы и знания об их изготовлении варяги после нередко увозили к себе на родину, что подтверждается археологическими находками в Скандинавии. [4]

О норманнском вооружении, его подражаниях, заимствовании с Севера типичных изделий, равно как об усвоении варягами определенных достижений восточноевропейского военного дела и оружейного ремесла, стало возможным судить после полного изучения всей массы предметов военной техники найденной на территории Руси. Это, наряду с мечами IX-X вв., составлявшими важную статью экспорта, многочисленные предметы военного назначения и разнообразные доспехи, которые поступали как в скандинавские, так и в славянские страны.

В древнерусских курганах и на территории Скандинавии найдено множество наконечников, ножен, мечей IX-XI веков. Многочисленными были скандинавские по происхождению наконечники с изображениями птиц и извивающихся чудовищ, на Северном Кавказе данных артефактов не было найдено. Распространенность этих изделий связана, очевидно, с магическими представлениями о возрастающей заклинательной силе оружия, каждый раз погружаемого в тело дракона или осененного древним символом в виде вещи птицы. Многие из этих изделий выполнены на Руси (находки в Киеве, Новгороде и Муроме) со схематичным контуром птицы. Можно отметить нарастание во второй половине X века в орнаментации наконечников ножен славянских элементов. Из этого можно сделать вывод, что со второй половины X в. на Руси существовали мастерские, изготавливавшие это своеобразное изделие. Следовательно, с середины X века Русь оказывает сильное влияние на изготовление скандинавских наконечников, что приводит в конце столетия к преобразованию северной звериной орнаментики в близкую древнерусскую, растительную. [5]

Водные пути Руси на протяжении IX-XI вв. играли важнейшую роль в движении массы товаров и денежных средств, обеспечивавших, прежде всего, развитие экономики Древней Руси. Восточное серебро, поступавшее по водным торговым путям «из варяг в греки» стало большим катализатором в отношениях Руси со Скандинавскими народами. Вместе с варяжскими дружинами на важнейшие водные магистрали в Древней Руси начинают поступать скандинавские товары (в основном оружие), распространяются новые формы дружинной культуры. Водные пути Древней Руси стали катализатором в торговом и торгово-ремесленном обмене со скандинавскими народами, что подтверждается почти всеми доступными видами археологических материалов. Следов же тесного взаимоотношения в этот период в этой сфере с северокавказскими народами найдено не было, что, видимо, объясняется удаленностью Тмутаракани от центра Руси. [6] Показательно при этом, в этот же период, активное воздействие славянского профессионального гончарного ремесла на керамическое производство в Скандинавии.

Дружинное вооружение, в первую очередь каролингские мечи, также вовлечено в обращение уже с IX века. Показательны находки в ранних слоях Ладоги: деревянные детские мечи. В течение IX-X веков идет интенсивный обмен в этой области, приведший к распространению в арсенале скандинавских народов ряда восточных форм, а также к началу собственного производства мечей в Древней Руси. [7]

Интенсивными были взаимодействия в области украшений, парадного убора, костюма. [8] Наряду с распространением на Руси скандинавского женского наряда с парами фибул, в Скандинавии распространяются дружинные наборные пояса, сумки-ташки, шаровары восточного покроя, запашная одежда типа кафтана с бронзовыми пуговицами и тесьмой по краю, меховые «русские шапки», женские плиссированные льняные и шелковые рубахи, бусы и другие виды украшений. Многие из вышеперечисленных так называемых «восточных» древнерусских предметов одежды, в свою очередь, были заимствованы славянами у южных соседей. В частности, и у Тмутараканского княжества. [9] В русских погребениях и кладах достаточно широко представлены скандинавские фибулы, браслеты, гривны, подвески, в том числе поздние формы «молоточков Тора», весьма близкие находкам из Хиддензе в западнославянской Скандинавии. Так же интенсивным был обмен в развитии орнаментики. Высшим проявлением взаимодействия стало производство в X веке «вещей-гибридов», характеризующих процесс синтеза различных по происхождению этнокультурных традиций. [10] Скандинавского происхождения на Руси были вещи с изображением птиц, героев скандинавских саг, борющихся с драконами и другими мифическими существами Скандинавии, а также формы поясных бляшек и наконечников, бубенчиков, техники и декора плетеных браслетов и гривен, часто встречающиеся в ювелирном ремесле Готланда X века.

Примером тесных взаимоотношений Руси и Скандинавских народов можно считать распространение скандинавских имен в Древней Руси: славянизированные формы, такие как Олег (Хельг), Ольга (Хельга), Игорь. Такие тесные взаимоотношения стали причиной формирования общего для русской и скандинавской культур фонда духовных ценностей, нашедших выражение, например, в погребальных ритуалах. Отчётливые следы тесных взаимоотношений Скандинавии и Руси прослеживаются в древнерусском и древнескандинавском языках. Это доказывает анализ, осуществленный лингвистами, которые выявили определенное равновесие. Наблюдается примерно два десятка заимствований, распределившихся приблизительно поровну. Около десятка скандинавских слов, укоренившихся в древнерусской лексике и не менее 12 славянских – в скандинавской. Показательно при этом, что скандинавские заимствования: «варяг», «гридь», «тиун», «стяг» – охватывают военно-организационную сферу, а славянские слова в скандинавском охватывают область бытовой дружинной культуры, например: *sodull* – «седло», *katse* – «кошь», «сума», *lavi* – «скамья», *humle* – «хмель». Как в военной, так и в торговой сфере, взаимодействие Руси со Скандинавией, судя по распространению археологических находок, начинается во второй половине IX века. Оно достигает максимума во второй половине X века, а с конца X-первой половины XI веков прослеживается уже самостоятельное для каждой культуры дальнейшее развитие. Появляются новые социокультурные нормы, в частности, ярко представленные «русскими формами» мечей, неизвестными в Скандинавии, или мемориальными руническими камнями, широко распространившимися в северных странах и не получившими применения даже в погребальных ритуалах обрусевших варягов на Руси.

Уровень взаимосвязей в идеологической сфере намечается не позднее середины X века, а в XI веке достигает максимума. Художественное выражение обретают в древнерусской литературе XII века «Сказания о призвании варягов» в тексте «Повесть временных лет» 1118 года, а в скандинавской литературе XIII века – монументальное эпическое полотно «Хеймскринглы». Следует отметить, что оба памятника лежат в основании национальной литературы и оба сильно отличаются от общеевропейской средневековой традиции, сформированной латинской церковной книжностью. Это обстоятельство, во многом определившее дальнейшие пути развития, как русской, так и скандинавской культуры, не в последнюю очередь определяет значение русско-скандинавских связей IX-XI веков.

Данные археологических раскопок, лингвистический анализ и анализ культурных памятников доказывает, что в VII-XII веках взаимоотношения Скандинавских народов и Древней Руси носили не только торговый и военный характер, но и гораздо больший, союзный, а иногда и родственный характер, что привело к большому взаимообмену культурных ценностей между народами Скандинавии и Древней Руси. С северокавказскими народами в этот период тесные

взаимоотношения, в основном, носили разовый характер в силу географической отдалённости Северного Кавказа и Древней Руси. Хотя, в тоже время, несомненно, Северный Кавказ был важным экономическим плацдармом для Руси, интересующейся торгово-экономическими путями, в основном идущими в Византийскую империю через северокавказский регион. Следует сделать вывод, что Русь была не только источником, но и посредником в передаче на север венгерских, тюркских, арабских, северокавказских, среднеазиатских и византийских культурных элементов, мифологических мотивов, а также разнообразных образов и технических приемов.

Литература:

1. Повесть временных лет. СПб.: Вита Нова, 2012. 78 с.
2. Насонов А.Н. Тмутаракань в истории Восточной Европы. М., 2001. 94 с.
3. Хеннег Р.С. Культурное объединение земель востока. СПб., 2010. 54 с.
4. Лавров Л.И. Возможный след варягов на Северо-Западном Кавказе. Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Л.: Наука, 1978. 108 с.
5. Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г. Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2010. 79с.
6. Бибииков М.В. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб.: Алетейа, 2001. 58 с.
7. Кравченко А.И. Культурология славян. М.: Проспект, 2008. 24 с.
8. Чамокова С.Т. Трансформация религиозных взглядов адыгов на примере основных адыгских космогонических божеств // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. Вып. 3. С. 48-54.
9. Чамокова С.Т. Религия адыгов: генезис, динамика развития IV-XVI вв. (историко-социологический аспект). Майкоп, 2013. 63 с.
10. Чамокова С.Т. Религия адыгов: генезис, динамика развития (IV-XVI вв): автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. канд. истор. наук: 6 07.00.02 / Адыг. гос. ун-т. Майкоп, 1997. 29 с.